

ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК: 821.133

Пахсарьян Н.Т.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РОМАНЕ АНДРЕЯ МАКИНА «ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЖДАЛА»¹

*Институт научной информации по общественным наукам, РАН,
Москва, Россия, natapa@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуется один из романов гонкуровского лауреата, члена Французской Академии французского писателя русского происхождения Андрея Макина «Женщина, которая ждала» (2004). Сложная, во многом дискуссионная проблема национальной идентичности романиста, пишущего по-французски, но всегда включающего в свои произведения тему России, порой заслоняет в литературоведческих работах о нем собственно поэтологические проблемы. Между тем анализ форм и способов воссоздания пространства и времени в этом и других сочинениях писателя дает возможность не только понять особенности запечатленного в них образа России, но и выявить диалектику взаимодействия модернизма и постмодернизма, традиции и новаторства в творчестве А. Макина.

Ключевые слова: пространство; время; вечность; жизнь; смерть; вера.

Поступила: 15.04.2019

Принята к печати: 20.05.2019

Pakhsarian N.T.

Space and time in the novel of Andrei Makine «Woman who waited»

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, natapa@mail.ru*

Abstract. The article analyses one of the novels by the Goncourt laureate, member of Académie Française a French writer of Russian origin Andreï Makine (Woman

¹ © Н.Т. Пахсарьян, 2019.

who waited, 2004). In literary criticism, the complex and controversial issue of the national identity of the novelist, who writes in French but about Russia, often overshadows the poetic features of the prose itself. But the analyses of forms and ways of creating space and time in this novel and others enables us not only to understand the image of Russia that the author portrays, but to reveal the dialectics of interaction between modernism and post modernism, tradition and innovation in Andreï Makine's works.

Keywords: space; time; eternity; life; death; belief.

Received: 15.04.2019

Accepted: 20.05.2019

Проблема пространства и времени в прозе А. Макина – одна из самых популярных в современном западном литературоведении¹. Что касается России, то, хотя здесь существует известное несовпадение между довольно активным изучением произведений А. Макина и низким уровнем знакомства читателей с его творчеством (у нас был переведен только роман «Французское завещание» – в 1996 г.), но эта проблема, безусловно, связанная с вопросом национальной идентичности писателя², не ставилась в отечественных исследованиях. Лишь мимоходом касаясь вопроса романной топографии, российские литературоведы изучают образы России и Франции / Запада в творчестве А. Макина³, рассматривая сопоставление писателем двух культур, двух языков, углубляясь в особенности его билингвизма⁴.

Впрочем, западное литературоведение, по мнению М.Л. Клеман, также порой грешит редукцией исследования романов писателя к разбору темы Россия / Запад⁵, а анализ макинской поэтики пространства и времени и в зарубежных работах большей частью также связан с «Французским завещанием», при том что его авто-

¹ См., напр.: [Parry, 2004; Harmath, 2010; Harmath, 2016].

² См. о сложности проблемы идентичности писателя: [Sylwestrzak-Wszelaki, 2010].

³ См.: [Владимирова, 1998; Таранов, 2012; Baleevskikh, 2014; Калинина, 2016].

⁴ Во всех отечественных работах фигурирует определение А. Макина как писателя-билингва. Этому вопросу посвящена диссертация [Балеевских, 2002]. Между тем С. Бельмар-Паж верно замечает, что хотя А. Макин – билингв в повседневной жизни, однако вся его художественная проза написана по-французски и его неверно называть писателем-билингвом [Bellemare-Page, 2010, p. 133].

⁵ «Безусловно, творчество Андрея Макина включает компонент «Восток-Запад», которым не следует пренебрегать, но было бы редукцией судить о нем исключительно по этому компоненту...» [Clément, 2008, p. 10].

ру принадлежит к сегодняшнему дню уже восемнадцать романов, не считая четырех, написанных под псевдонимом Габриэль Осмонд¹. «Женщина, которая ждала» (2004), произведение, удостоенное премии *Lanterna Magica*, привлекало литературоведов прежде всего своеобразием изображения главной героини и воплощением темы любви и верности². Исключение представляет статья Марка Каратоццо, полагающего особенно важным исследование пространственно-временных топосов в «Женщине, которая ждала» [Caratozzolo, 2009, p. 13–22] для выяснения особенностей эстетики писателя. И не случайно исследовательница особенностей геопоэтики в творчестве А. Макина привлекает для анализа также и этот роман [Harmath, 2016, p. 14, 32, 33, 35, 40 etc.]: думается, он особенно интересен в аспекте изучения проблемы взаимосвязи традиции и новаторства в романистике писателя.

Почти все специалисты указывают на связь поэтики А. Макина с классической традицией русской и европейской прозы – И.А. Бунина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, М. Пруста и др. – и подчеркивают близость писателя к модернизму³. Порой интертекстуальность макинских текстов вызывает представление о лубочности его поэтики, широком использовании клише⁴. В то же время открывшаяся в его романах «ризоматичность», как и некоторые другие особенности, говорят об открытости макинского нарратива постмодернистским приемам⁵. Уточнение принадлежности творчества А. Макина к тому или иному типу поэтики имеет непосредственное отношение к решению вопроса об особенностях образа времени и пространства в его произведениях: ведь, как известно, воспринимаемое, переживаемое, воображаемое пространство ста-

¹ Об игре идентичности между двумя ипостасями писателя см.: [Пахсарьян, 2014].

² См. статьи, посвященные этому роману, в сб.: [Andreï Makinees, 2005] – [Ivassioutine, 2005; Granjean, 2005; Scheidhauer, 2005].

³ См., напр.: [Andreï Makine, 2008; McCall, 2005].

⁴ См., напр.: «...сама изначальная клишированность изображаемой действительности и критическое отношение к ней автора обуславливает закономерность и неизбежность появления в творчестве писателя лубочных форм» [Таганов, 2012, с. 128]. См. также: [Таганов, 2008].

⁵ С постмодернистской философией и поэтикой наиболее последовательно связывает романы А. Макина (в том числе и «Женщину, которая ждала») Хелен Даффи [Duffy, 2018, p. 13, 51, 73 etc.].

новится одним из самых актуальных объектов постмодернистских штудий второй половины XX столетия. Один из провозвестников американского постмодернизма, Д. Белл в известной работе «Культурные противоречия капитализма» [Bell, 1978] утверждает даже, что если в первые десятилетия прошлого века культура была занята рефлексией о времени (А. Бергсон, М. Пруст, Д. Джойс), то сегодня главная эстетическая проблема западной культуры – это проблема пространства. Один из авторитетных западных ученых считает, что и в новейшей литературной науке происходит смена акцента, переход от «темпорального анализа» к «пространственному» [Nethersole, 1990].

Не только в литературной теории, но и на практике, в частности в романах последней трети XX – начала XXI в., отчетливо прослеживается тенденция к специализации художественного мира. Однако это не означает утраты временем своего значения, напротив, специализация возникает как раз в результате художественных экспериментов со временем [Фрэнк, 1987, с. 213]. По словам М.Р. Бугерра, «...современная художественная литература, говоря в общем, использует темпоральность как трамплин для размышлений об отношениях, которые связывают человека с печальным прошлым, для тревожных вопрошаний о настоящем и для нещадной эксплуатации будущего» [Bougueira, 2010, p. 11]. Размышляя о различии модернистского и постмодернистского видений, М. Гонтар писал: «В то время как модернизм утверждает универсальное (оно же, по определению, уникальное), постмодернизм основывается на реальности прерывистой, фрагментарной, архипелажной, модулированной, где единственным временем является настоящий момент» [Gontard, 2001, p. 286]. Если учесть, что специалисты рассматривают нарратив макинских романов в русле теории Ж. Делёза, исследующего постмодернистский мир как архипелаг [Deleuze, 1993, p. 110–112], а сам образ архипелага возникает в одном из недавних произведений писателя – «Архипелаг другой жизни» (2016), то можно сказать о своеобразной интерференции модернизма / постмодернизма в романистике А. Макина – и одновременно о совпадении этой интерференции с постмодернистским принципом «черепицы» [Gontard, 2001, p. 294].

Как в любом романе А. Макина (а все они написаны по-французски), в «Женщине, которая ждала» речь идет о России¹. В то же время в отличие от большинства произведений писателя, где движение фабулы идет от провинции, деревенского мира в город², в этом романе повествование разворачивается в обратном направлении: рассказчик приезжает из Ленинграда в деревню Мирное. Время года и место действия романа обозначены уже практически в начале повествования: «В эти сентябрьские дни в деревне посреди лесов, тянущихся до берегов Белого моря...»³. Несколько позднее появляется и датировка романного действия: «С задержкой на шесть-семь лет Май 68 дошел и до России...» (с. 28). Описана богемно-диссидентская среда, в которой автор, молодой человек 26 лет пытается «убежать от самого себя» (с. 27): эта среда мифологична, соткана из представления о Западе, хотя и определенном как «опереточный», однако имеющем правдивую основу. Своеобразная экспозиция к основному романному действию (помещенная, однако, не в начале текста, а во втором фрагменте романа) построена как мизансцена в «Вигваме», как именуется полуподпольную художественную мастерскую в пригороде Ленинграда ее посетители – там герои слушают поэму «Кремлевский зоопарк», в которой сочинитель называет Россию «Планетой Нет», и ведут разговоры с американским журналистом, воплощением мечты о Западе. Герой-повествователь критически настроен по отношению к той среде, в которой он первоначально обитает, однако вряд ли можно признать справедливым суждение Х. Даффи о том, что писателем владеют «антизападные чувства, которые находят выражение в его романских отсылках к Великой Отечественной войне как к моменту, с одной стороны, национального единства, а с другой – одновременно военного и морального триумфа над Западом» [Duffy, 2018, p. 17]. Трудно принять истолкование образа

¹ «...Сочинения Макина говорят только о русских пространствах, о прошлом, которое он сам пережил, о его собственной истории (детства, отрочества), но на иностранном языке» [Ripoll, 2016, p. 9].

² Причем «этот переход от деревенского мира к городскому, ощущаемый как подлинный отрыв корней, оказывается более печальным, поскольку метрополия, как в прокрустово ложе, помещает персонажей в совсем другую логику времени и пространства» [Mistreanu, 2017, p. 144].

³ [Makine, 2004, p. 10]. Далее цитирую по тому же изданию, указывая в скобках страницы. Перевод мой.

войны в этом произведении как триумфа: ни описание глухой северной деревни, где остались лишь одни вдовы-старухи, потерявшие мужей на войне и всеми забытые, ни описание рабочих в электричке, которые, быть может, пережили блокаду Ленинграда, но у которых режим отнял всякую индивидуальность, не создают ощущение счастливой победившей России. Но и иронически описанное подражание членов «Вигвама» западной жизни вовсе не порождает впечатление полного отторжения автора от Запада. С. Бельмар-Паж рассуждает несколько иначе, говоря, что автор «Женщины, которая ждала», хотя и «отказывается принимать американизм и капитализм, но с той же силой отбрасывает и социализм и диссидентство» [Bellemare-Page, 2010, p. 320]. Действительно, мы легко обнаруживаем в романе и ироническую зарисовку диссидентов, и инвективы против социализма, способного «отнять у человека всякую индивидуальность, оглупить его» (с. 42). Однако, как кажется, А. Макин ставит вопрос в другой плоскости, размышляя прежде всего о сути и цели творчества, о том, что является истинной трудностью для литератора: «Через пятнадцать лет этого режима больше не будет, но строфы не станут легче рождаться, а стихи – больше читаться» (с. 39). Как признавался писатель в одной из статей: «Я не претендую на знание Реальности. Литература – это поиск реального мира, первоначальное видение которого должно быть превзойдено в акте письма» [Makine, 2010].

Исследователи часто говорят об автобиографизме макинских романов – пожалуй, несколько преувеличивая его или, во всяком случае, понимая его прямолинейно¹. Несовпадения с реальной биографией автора есть у повествователя каждого макинского романа, в «Женщине которая ждала» они тоже присутствуют: самому А. Макину (род. 1957) было в период, к которому относится фабула романа (1974–1975) лишь 17–18 лет, а не 26, как его нарратору. Кроме того, в биографии автора нет эпизодов его пребывания в среде ленинградской богемы, и это также подчеркивает, что в романе представлено воображаемое пространство. Более подходящим было бы назвать фабулу «Женщины, которая ждала» авто-

¹ См., напр., главу «Субъективная динамика формы» в автобиографическом романе А. Макина «Французское завещание» в кн.: [Пестерев, 1999].

фикциональной, а не автобиографической¹. Рассказчик в романе – персонаж, имеющий свою собственную историю жизни и одновременно – воспроизводящий коллективную память поколения в эпоху «пост-памяти» [Bellemare-Page, 2006, р. 49]. Отсюда – и то, что воспринимается иными критиками как воспроизведение клише: А. Макин демонстрирует и в то же время деконструирует коллективные стереотипы и мифы, перешедшие в память послевоенных поколений. Кроме того, текст представляет собой своего рода биографию письма: начавшись с фразы, написанной некогда в блокноте рассказчика («Женщина, так явно предназначенная быть счастливой...», с. 9), он сочетает в себе описание загадочной истории этой женщины и процесса работы начинающего писателя над книгой, констатирующего в итоге пережитого опыта (пусть даже эта констатация дана в начале повествования): «Мы предпочитаем иметь дело скорее с вербальной конструкцией, чем с живым человеком» (с. 10).

Нарративное пространство романа состоит из отдельных фрагментов: в двух частях повествования содержится соответственно пять и семь зарисовок-миниатюр, в которых наслаиваются друг на друга разные эпохи – военное время, 1950-е, 1970-е годы. Подобная фрагментарность рассматривается С.М. Фоминым как «знак лирического произведения» [Фомин, 2016, с. 142], однако эта черта характерна и для постмодернистской стилистики.

Героя приводит из Ленинграда в деревню Мирное, где происходит основное действие романа, с одной стороны, разочарование в образе жизни в «Вигваме», ощущение замкнутого круга диссидентской литературы («жаловаться на режим и не писать, или писать лишь для того, чтобы жаловаться», с. 37), с другой – душевные метания, связанные с тщетными самозаклинаниями не ревновать свою возлюбленную, ощущение потери любви. В то же время практическим мотивом этого отъезда становится предложение одного из приятелей повествователя отправиться в Архангельскую область, чтобы написать серию очерков о старинных нравах и обычаях северной провинции. По ходу дела замысел меняется: война стерла из памяти жителей все легенды и традиции прошлого,

¹ С.М. Фомин верно замечает «маскировку под автобиографию» и автофикциональность романа А. Макина «Страна лейтенанта Шрейбера» – см.: [Фомин, 2016, с. 143].

став «единственным мифом, живым и личным» (с. 52). Но и возникшая идея написать сатирические заметки о колхозной системе и ее недостатках тоже оказывается несостоятельной: «Я рассчитывал открыть в этом затерянном уголке русского Севера сгусток советского периода, карикатуру на время, одновременно мессианское и застойное. Но время попросту совершенно отсутствовало в этих деревнях, живущих словно бы после исчезновения режима, после падения империи» (с. 56). Нельзя сказать, что повествователь абсолютно сочувственно воспринимает атмосферу, в которую попадает в Мирном. С одной стороны, он, конечно, заморожен окружающей природой: «Знаки Истории стерлись. Остались золотые пластинки ивовых листьев на черной поверхности озера, первые снегопады, обычно начинающиеся к ночи, молчание Белого моря, угадывающегося за лесом» (с. 56), он не лишен сочувствия к обитателем глухого уголка, замечая, что и его самого «это парящее, зависшее время мало-помалу засосало» (с. 58), что «в таком послевремени (*après-temps*), в котором жила деревня, и предметы, и существа словно бы освободились от своей утилитарности и вызывали любовь к себе единственно потому, что пребывали под этим северным небом» (с. 67). С другой – он словно бы попадает в мир теней, загробный мир, где либо умирают, как старуха Анна, которую рассказчик помогает хоронить, либо ждут смерти одинокие вдовы, потерявшие мужей на войне. И сама война складывается в миф иной, нежели в официальной историографии: «Как во всех новорожденных мифах роли богов и демонов не были жестко установлены. Глубоко, страстно ненавидимые немцы вдруг представляли в лице повара по имени Курт. Зоя, грузная старуха с иконописными чертами, потемневшими от возраста, встретила его в оккупированной деревне под Ленинградом, где она жила во время войны. Этот немец приносил тайком деревенским детям остатки еды...» (с. 53).

Пространство действия в романе состоит из отдельных топов. М. Каратоццо выделяет три пространства, важных для сюжета этого произведения: остров, озеро, город. Они, по мнению критика, «расположены по принципу расходящихся кругов» [Caratozzolo, 2009, p. 14], разделены берегом, лесом и дорогой, ведущей в город. Каждое из этих пространств очевидно метафоризировано, а главные персонажи – рассказчик и Вера – занимают своего рода пограничную, пороговую позицию по отношению к ним.

Не случайно на перекрестке большой дороги, ведущей в город, и тропинки, идущей к озеру, расположен почтовый ящик, к которому навевается женщина, ждущая своего возлюбленного.

Рассказчик тщетно пытается разгадать тайну главной героини романа – Веры, женщины, которая ждала. Вере было 16, когда ее возлюбленный в 1945 г., в конце войны, отправился на фронт со словами «Я вернусь» и то ли погиб, то ли пропал (первое сообщение от командования было – «пропал без вести», второе – «пал смертью храбрых»), а она вот уже 30 лет ждет его возвращения и продолжает его любить. Пытаясь разгадать тайну Веры, автор ведет драматическую игру стереотипами, в том числе – в сознании повествователя. Вначале рассказчик полагает, что он все понял в героине: «Вот женщина, о которой я все знаю... Вся ее жизнь передо мной, сконцентрированная в этом далеком силуэте, бредущем вдоль озера» (с. 23). Мнимая легкость разгадки («...женщины остались верны своим убитым мужчинам, поскольку больше не осталось живых мужчин. Как это глупо и прозаично!» – с. 86), сменяется удивлением: Вера вовсе не всегда была оторвана от городской жизни, более того, она училась в Ленинградском университете, готовила к защите диссертацию, но, как поняла в конце концов, все это время – восемь лет – «не жила» (с. 115). Пространства жизни и смерти словно меняются местами: героиня отторгает лицемерие городской оттепельной жизни («Все аплодировали словам “Уберите Ленина с денег” и все знали, что первые концлагеря были созданы еще при Ленине» – с. 115) и, отправившись на похороны матери в родную деревню, оставшись там, чтобы учить деревенских детей и ухаживать за старухами, выполнять для умерших функцию Харона, перевозя их на островное кладбище, начинает жить. Подлинная ли это жизнь или еще один мираж, автор размышляет вместе с читателями.

Попытка найти другую причину любовного постоянства Веры, ее верности не пришедшему с войны юноше, более циничную (на самом деле у Веры есть любовник, которого она скрывает), также проваливается: вообразив, что женщина, сняв обычную старую шинель, в которой она появляется в Мирном, приодевшись, уезжает в город и приходит на вокзал, чтобы встретить там приехавшего к ней нового возлюбленного, рассказчик снова ошибается – Вера встречает поезд из Москвы, каждый раз надеясь, что вернется ее Борис, ведь, уходя на войну, он обещал вернуться. Борис

Коптев оказывается в конце концов жив (во время переправы через Шпрее был взорван понтонный мост, на котором находились солдаты; многие погибли, но Борис выжил, его только ранило), но предпочитает не возвращаться, «хочет остаться среди победителей» (с. 195), устраивает благополучную жизнь партийного функционера – секретаря парторганизации крупного московского завода. Об этом повествователь узнает из газеты, которую ему приносит почтальон – старуха Зоя: газета эта была издана к юбилею Архангельска и, по-видимому, ее прочла и Вера, которая ездила в город на празднование юбилея. Так исчезает и еще одна иллюзия рассказчика: поскольку Вера, вернувшись из города, неожиданно идет на близость с ним, он полагает, что смог покорить ее сердце – единственный из всех мужчин, смог добиться любви женщины, которая 30 лет была верна своему первому возлюбленному («Такая женщина! Я снова подумал о том, что в ее жизни не было ни одного мужчины. Я с гордостью отметил свой статус избранника» – с. 190), а между тем оказывается, что на этот шаг героиню толкнуло полученное ею известие о послевоенной судьбе Бориса. Миф о прекрасной истории любви и ожидания – миф, который лелеяли все жители деревни (А. Макин рисует сцену, где хор старух поет: «Он вернется из-за моря, из-за Белого моря, бескрайнего и холодного...» – с. 164), в конце концов разрушен. Загадочная женская верность человеку, который оказывается недостойн этой верности, любовь к созданному в воображении образу этого человека вопреки открывшейся иллюзорности образа – мотив, повторенный в несколько иной тональности в более позднем романе А. Макина «Короткие истории о вечной любви» [Макин, 2011], где в одном из фрагментов описана встреча повествователя с девушкой Кирой, пронесшей через всю жизнь любовь к некоему идеализированному ею юному бунтарю, ставшему в зрелом возрасте заурядным функционером и напрочь забывшему о своей поклоннице. Даже уступив желанию близости, Вера тем не менее сохраняет свое удивительное любовное постоянство. Ничто не отрывает героиню от ее существования в деревне – и ничто не сближает ее с рассказчиком, несмотря на то что они как будто тянутся друг к другу.

Одна из символических сцен в романе связана с образом расколотого зеркала: повествователь записал в своем блокноте, что когда чиновники уезжали из Мирного, то попытались вынести

из здания администрации (чуть большей избы, чем остальные) старинное большое зеркало, однако при этом оно раскололось – и его оставили прислоненным к бревенчатой стене: «Его верхняя часть отражала верхушку леса и неба. А лицо смотрящегося в зеркало накладывалось на отражение облаков. Низ зеркала фиксировал дорожные ухабы и ноги пешеходов» (с. 78). Здесь, у треснувшего зеркала, застал герой Веру, глядящую в него, и именно после этой встречи он решил «попытаться понять, как можно ждать кого-то всю жизнь» (там же). Трещина, делящая зеркало надвое, становится метафорой той несליанности героев, которая оказывается непреодолимой: в конце концов повествователь уезжает (=бежит) из деревни, он вовсе не собирается похоронить себя в этой глуши и боится, что Вера нашла в нем замену неверному возлюбленному, что она будет умолять его остаться с ней или поедет к нему в Ленинград. Однако все происходит иначе: Вера даже помогает герою добраться до города кратчайшим путем, перевезя его на другой берег озера, а сама возвращается в свой мир, увозя с собой так и неразгаданную тайну своей верности. Предоставленный читателю текст романа вырастает из перечитывания повествователем записей, сделанных им некогда в блокноте, воспоминаний о встречах, разговорах и пр. в том пространстве, которое он навсегда оставляет.

В противостоянии города и деревни как разных пространств и времен есть, конечно, отзвуки карамзинских мотивов¹, однако оно предстает более сложным и зыбким. Ни городские «Вигвамы» (а в райцентре тоже обнаруживается свой «Вигвам» – с. 61), ни картины деревенской жизни на лоне красивой, но и печальной природы не образуют ни утопических, ни дистопических пространств. Ни один из этих миров в конце концов не способен дать героям целостного и полнокровного существования, каждый погружен в мираж или даже превращается в мираж. Значит ли это, что автор предпочитает жизни в призрачном настоящем уход в прошлое? Возможно, тут и пролегает существенное различие между М. Прустом, ищущим в романе-воспоминании свое утраченное прошлое, и «русским Прустом», как часто называют А. Макина, описывающим бытование мифов о прошлом в эпоху «пост-памяти». К данному роману возможно, пожалуй, отнести слова С. Бельмар-Паж о том, что творчество А. Макина «предлагает не

¹ См. подробнее: [Пахсарьян, 2017].

бегство от настоящего или погружение в прошлое, но поиск другого восприятия времени...» [Bellemare-Page, 2010, p. 222].

Х. Даффи, проанализировав тему войны в романе, делает следующий вывод: «Хотя “Женщина, которая ждала” презентует себя как постмодернистскую медитацию о невозможности эмпирического знания и как прославление плюрализма, субъективности, неуверенности, приватного опыта, противопоставленного безличным и идеологически нагруженным историографиям, роман становится апологией тотализирующего нарратива» [Duffy, 2018, p. 73]. Такая трактовка макинского повествования связана с тем, как понимает исследовательница идейный смысл романа, подчеркивая его «антизападность», а значит – и тоталитарность. Сомнение в справедливости концепции Х. Даффи в отношении главных идей романа возрастает по мере того, как мы обращаемся к осмыслению динамической пространственно-временной гетерогенности «Женщины, которая ждала». Замысел А. Макина, думается, связан не столько с идеологическим дискурсом, сколько с эстетическим поиском адекватного словесного описания феномена, который не может быть описан привычными формулами. И в этом смысле писатель оказывается близок Прусту не только стилистически: он так же, как и его французский предшественник, прежде всего воссоздает историю становления письма, попытку рождения романа. Для него, как и для Пруста, «настоящая жизнь, в конце концов открытая и проясненная, следовательно, единственно реальная прожитая жизнь – это литература» [Пруст, 2006, с. 175]. Вот почему, возможно, следует, вслед за С. Бельмар-Паж, определить хронотоп макинского романа через предложенный Д. Мэнгено термин «паратопия»: ведь это понятие предполагает конструирование автором своей собственной дискурсивной территории, а кроме того, соединяет процесс творческого высказывания с процессом создания условий для этого высказывания [Paratopie, 2016].

Список литературы

Балеевских К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва
А. Макина: Дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2002. – 229 с.

- Владимирова М.М. Две Атлантиды: Образ Франции и образ России в романе А. Макина «Французское завещание» // Норма. Интерпретация. Диалог культур. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – С. 9–11.
- Калинина О.В. Образ России в романах А. Макина («Французское завещание», «Реквием по Востоку», «Земля и небо Жака Дорма»): Дис. канд. филол. наук. – М., 2016. – 194 с.
- Пахсарьян Н.Т. Андрей Макин и Габриэль Осмонд: Игры с идентичностью // Игра, текст, культура: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 26-летию Самарской государственной областной академии (Наяновой), 23–25 октября 2014 г. – Самара: Лаборатория семиотики культуры, 2014. – С. 155–161.
- Пахсарьян Н.Т. Карамзинские мотивы в романе Андрея Макина «Женщина, которая ждала» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – М., 2017. – № 2. – С. 117–128.
- Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1999. – 308 с.
- Пруст М. Обретенное время. – СПб.: Амфора, 2006. – 480 с.
- Таганов А.Н. Лубочные формы в раннем творчестве Андрея Макина (Романы «Дочь героя Советского Союза», «Французское завещание») // Художественное слово в пространстве культуры: Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность. – Иваново: ИВГУ, 2008. – С. 184–194.
- Таганов А.Н. Российский миф в раннем творчестве Андрея Макина // Вестник НГЛУ. – Нижний Новгород, 2012. – Вып. 18. – С. 128–138.
- Фомин С.М. Референциальность и вымысел в романах Андрея Макина // Вестник НГЛУ. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 33. – С. 141–148.
- Фрэнк Д. Пространственная форма в современной литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты. Статьи. Эссе. – М.: МГУ, 1987. – С. 194–213.
- Andréi Makine: Le sentiment poétique. Réurrence chez Bounine et Tchekov / Dir. de Parry M., Herly C., Scheidhauer M.L. – Paris: L'Harmattan, 2008. – 280 p.
- Andréi Makine: Perspectives russes / Dir. de Parry M., Scheidhauer M.-L., Welch E. – Paris: L'Harmattan, 2005. – 138 p.
- Baleevskikh K. Russie vs France à travers les oeuvres d'Andréi Makine // Revue du CEES. – Poitiers, 2014. – N 3. – Mode of access: <http://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=635>
- Bell D. The cultural contradiction of capitalism. – N.Y.: Basic book, 1978. – 301 p.
- Bellemare-Page S. La littérature au temps de la post-mémoire: écriture et résilience chez Andréi Makine // Etudes littéraires. – Québec, 2006. – Vol. 38, N 1. – P. 49–56.
- Bellemare-Page S. Par-delà l'Histoire: Regards sur la mémoire et l'identité dans l'oeuvre d'Andréi Makine: Thèse de doctorat. – Quebec, 2010. – 380 p.
- Bouguerra M.R. Avant-propos // Temps dans le roman du XX siècle. – Rennes: Presses univ.de Rennes, 2010. – P. 9–16.
- Caratozzolo M. La sémiotique de l'île dans La Femme qui attendait d'Andréi Makine // Andréi Makine. Etudes réunies et présentées par M.L. Clément. – Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2009. – P. 13–22.

- Clément M.L. Andreï Makine: Présence de l'absence, une poétique de l'art: Thèse de doctorat. – Amsterdam, 2008. – 409 p.
- Deleuze G. Critique et clinique. – Paris: Minuit, 1993. – 192 p.
- Duffy H. World War II in Andreï Makine's historiographic metafiction. – Leiden; Boston: Brill, 2018. – 340 p.
- Gontard M. Le postmodernisme en France : définition, critères, périodisation // Le Temps des Lettres. Quelles périodisations pour l'histoire de la littérature française du 20ème siècle? – Rennes: Presses univ.de Rennes, 2001. – P. 283–294.
- Granjean M. Makine face au Mystère: amour humain, amour divin dans la Femme qui attendait // Andreï Makine: Perspectives russes / Dir. de Parry M., Scheidhauer M.-L., Welch E. – Paris: L'Harmattan, 2005. – P. 91–99.
- Harmath E. Andreï Makine et la francophonie. Pour une géopoétique des oeuvres littéraires. – Paris: L'Harmattan, 2016. – 294 p.
- Harmath E. Dédoublément du temps et de l'espace chez Andreï Makine // Etudes romanes de Brno. – Brno, 2010. – Vol. 31, N 2. – P. 97–109.
- Ivassioutine T. Le mystère de la féminité chez Andreï Makine et Romain Gary // Andreï Makine: Perspectives russes / Dir. de Parry M., Scheidhauer M.-L., Welch E. – Paris: L'Harmattan, 2005. – P. 81–90.
- Makine A. La femme qui attendait. – Paris: Editions du Seuil, 2004. – 214 p.
- Makine A. Le livre des brèves amours éternelles. – Paris: Editions du Seuil, 2011. – 204 p.
- Makine A. Littérature. Article paru dans la revue Ring. Propos recueillis par Murielle Lucie Clément [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: www.muriellelucieclément.com/a-makine-litterature/
- McCall I. Proust's «A la recherche» as intertext of Makine's «Le testament français» // The modern language review. – Cambridge, 2005. – Vol. 100, N 4. – P. 971–984.
- Mistreau D. Moscou, Léningrad / Saint-Petersbourg, Paris. Les villes-palimpseste d'Andreï Makine // Etudes romanes de Brno. – Brno, 2017. – Vol. 38, N 1. – P. 143–152.
- Nethersole R. From temporality to spaciality: Changing concepts in literary criticism // Proceeding of the XIIth Congress of ICLA / Ed. by Bauer R. et al. – München: Iudicium, 1990. – P. 59–63.
- Paratopie // Fabula.org: Atelier [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.fabula.org/atelier.php?Paratopie>
- Parry M. Instants perdus, instants éternels: Makine, le Proust russe de son temps? // Andreï Makine: La rencontre de l'Est et de l'Ouest / Dir. de Parry M., Scheidhauer M.-L., Welch E. – Paris: L'Harmattan, 2004. – P. 103–113.
- Ripoll R. Preface // Harmath E. Andreï Makine et la francophonie. Pour une géopoétique des oeuvres littéraires. – Paris: L'Harmattan, 2016. – P. 7–11.
- Scheidhauer M.-L. Une plume française pour un sol russe dans la Femme qui attendait // Andreï Makine: Perspectives russes / Dir. de Parry M., Scheidhauer M.-L., Welch E. – Paris: L'Harmattan, 2005. – P. 125–135.
- Sylwestrzak-Wszelaki A. Andreï Makine, identité problématique. – Paris: L'Harmattan, 2010. – 255 p.

References

- Baleevskikh, K.V. (2002). *Jazyk kak jeksplikacija kul'turnogo opyta pisatelja-bilingva A. Makina*. Diss.... kand. filol. nauk. Jaroslavl'.
- Vladimirova, M.M. (1998). Dve Atlantidy: obraz Francii i obraz Rossii v romane A. Makina «Francuzskoe zaveshhanie». In *Norma. Interpretacija. Dialog kul'tur* (pp. 9–11). Nizhnij Novgorod: NNGU.
- Kalinina, O.V. (2016). Obraz Rossii v romanah A. Makina («Francuzskoe zaveshhanie», «Rekviem po Vostoku», «Zemlja i nebo Zhaka Dorma»). Diss.... kand. filol. nauk. Moscow.
- Pahsar'jan, N.T. (2014). Andrej Makin i Gabrijel' Osmond: igry s identichnost'ju. In *Igra, tekst, kul'tura. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 24-letiju Samarskoj gosudarstvennoj oblastnoj akademii (Najanovoj)*, 23–25 october 2014 (pp. 155–161). Samara: Laboratoriâ semiotiki kul'tury.
- Pahsar'jan, N.T. (2017). Karamzinskie motivy v romane Andreja Makina «Zhenshhina, kotoraja zhdala». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*, (2), 117–128.
- Pesterev, V.A. (1999). *Modifikacii romannoj formy v proze Zapada vtoroj poloviny XX stoletija*. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo universiteta.
- Prust, M. (2006). *Obretennoe vremja*. Saint-Petersburg: Amfora.
- Taganov, A.N. (2008). Lubochnye formy v rannem tvorcestve Andreja Makina (Romany «Doch' geroja Sovetskogo Sojuza», «Francuzskoe zaveshhanie»). In *Hudozhestvennoe slovo v prostranstve kul'tury: Nacional'naja specifika, zhanrovaja tipologija, intertekstual'nost'* (pp. 184–194). Ivanovo, IVGU.
- Taganov, A.N. (2012). Rossijskij mif v rannem tvorcestve Andreja Makina. *Vestnik NGLU*, 18, 128–138.
- Fomin, S.M. (2016). Referencial'nost' i vymysel v romanah Andreja Makina, *Vestnik NGLU*, 33, 141–148.
- Frjenk, D. (1987). Prostranstvennaja forma v sovremennoj literature. In *Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX-XX vv. Traktaty. Stat'i. Jesse* (pp. 194–213). Moscow: MGU.
- Parry, M., Herly, C., & Scheidhauer, M.L. (Eds.). (2008). *Andreï Makine: Le sentiment poétique. Récurrence chez Bounine et Tchekov*. Paris: L'Harmattan.
- Parry, M., Scheidhauer, M.-L., & Welch, E. (Eds.). (2005). *Andreï Makine: Perspectives russes*. Paris: L'Harmattan.
- Baleevskikh, K. (2014). Russie vs France à travers les oeuvres d'Andreï Makine. *Revue du CEEs*, 3. Retrieved from: <http://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=635>
- Bell, D. (1978). *The cultural contradiction of capitalism*. New York: Basic book.
- Bellemare-Page, S. (2006). La littérature au temps de la post-mémoire: écriture et résilience chez Andreï Makine. *Etudes littéraires*, 38(1), 49–56.
- Bellemare-Page, S. (2010). *Par-delà l'Histoire: regards sur la mémoire et l'identité dans l'oeuvre d'Andreï Makine*. (Thèse de doctorat). Université Laval, Quebec. Retrieved from: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/21633>
- Bouguerra, M.R. (2010). Avant-propos. In *Temps dans le roman du XX siècle* (pp. 9–16). Rennes: Presses univ.de Rennes.

- Caratozzolo, M. (2009). La sémiotique de l'île dans *La Femme qui attendait* d'Andrei Makine. In *Andrei Makine. Etudes réunies et présentées par M.L. Clément* (pp. 13–22). Amsterdam, New York: Rodopi.
- Clément, M.L. (2008). *Andrei Makine: Présence de l'absence, une poétique de l'art*. Thèse de doctorat. Amsterdam School for Cultural Analysis, Amsterdam.
- Deleuze, G. (1993). *Critique et clinique*. Paris: Minuit.
- Duffy, H. (2018). *World War II in Andrei Makine's historiographic metafiction*. Leiden, Boston: Brill.
- Gontard, M. Le postmodernisme en France: Définition, critères, périodisation. In *Le Temps des Lettres. Quelles périodisations pour l'histoire de la littérature française du 20ème siècle?* (pp. 283–294). Rennes: Presses univ.de Rennes.
- Granjean, M. (2005). Makine face au Mystère: amour humain, amour divin dans la *Femme qui attendait*. In *Andrei Makine: Perspectives russes* (pp. 91–99). Paris: L'Harmattan.
- Harmath, E. (2010). Dédoublément du temps et de l'espace chez Andrei Makine. *Etudes romanes de BRNO*, 31(2), 97–109.
- Harmath, E. (2016). *Andrei Makine et la francophonie. Pour une géopoétique des oeuvres littéraires*. Paris: L'Harmattan.
- Ivassioutine, T. (2005). Le mystère de la féminité chez Andrei Makine et Romain Gary. In *Andrei Makine: Perspectives russes* (pp. 81–90). Paris: L'Harmattan.
- Makine, A. (2004). *La femme qui attendait*. Paris: Editions du Seuil.
- Makine, A. (2010). *Littérature. Article paru dans la revue Ring. Propos recueillis par Murielle Lucie Clément*. Retrieved from www.muriellelucieclément.com/a-makine-litterature/
- Makine, A. (2011). *Le livre des brèves amours éternelles*. Paris: Editions du Seuil.
- McCall, I. (2005). Proust's «A la recherche» as intertext of Makine's «Le testament français». *The modern language review*, 100(4), 971–984.
- Mistreanu, D. (2017). Moscou, Léninegrad /Saint-Petersbourg, Paris. Les villes-palimpseste d'Andrei Makine. *Etudes romanes de Brno*, 38(1), 143–152.
- Nethersole, R. (1990). From temporality to spaciality: Changing concepts, literary criticism. In *Proceeding of the XIIth Congress of ICLA* (pp. 59–63). München: Iudicium.
- Atelier de Fabula. (2016). *Paratopie*. Retrieved from <http://www.fabula.org/atelier.php?Paratopie>
- Parry, M. (2004). Instants perdus, instants éternels: Makine, le Proust russe de son temps? In *Andrei Makine: La rencontre de l'Est et de l'Ouest* (pp. 103–113). Paris: L'Harmattan.
- Ripoll, R. Introduction. In Harmath, E. *Andrei Makine et la francophonie. Pour une géopoétique des oeuvres littéraires* (pp. 7–11). – Paris: L'Harmattan.
- Scheidhauer, M.-L. (2005). Une plume française pour un sol russe dans la *Femme qui attendait*. In *Andrei Makine: Perspectives russes* (pp. 125–135). Paris: L'Harmattan.
- Sylwestrzak-Wszelaki, A. (2010). *Andrei Makine, identité problématique*. Paris: L'Harmattan.